

Калечыко & К°

Народная Воля

Неспрыяльныя дні
у сакавіку

8-га — з 5.00 да 7.00;
11-га — з 6.00 да 8.00;
13-га — з 13.00 да 15.00;
20-га — з 20.00 да 22.00;
24-га — з 16.00 да 18.00.

Пейджинговую связь
редакция обеспечивает
МОБИКОМ
пейджинг-система
(017) 222-46-51
(017) 222-46-52

Навіны

Замест кандыдата ў эфіры сімфонія

Беларускае тэлебачанне не выпушціла ў эфір 5-хвіліннае выступленне кандыдата ў дэпутаты Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу па Каласавскай выбарчай акрузе № 105 Мінска Юрыя Васкрасенскага.

Зварот да выбаршчыкаў Юрыя Васкрасенскага — старшыні савета Маладзешчанскай дэмакратычнай ініцыятывы і віцэ-прэзідэнта грамадскага аб'яднання "Сацыяльна-тэхналогія" — павінен быў выйсці ў эфір 2 сакавіка, аднак замест гэтага па тэлебачанні на працягу пяці

хвілін гучала сімфанічная музыка.

Юрыя Васкрасенскі зрабіў заяву прэсы. Ён не выключыў, што яго выступленне "не прпусцілі па ўказанні намесніка старшыні Нацыянальнай дзяржаўна-тэлеграфічнай кампаніі А.Зімоўскага", паколькі адзін з фрагментаў выступлення гучыў наступным чынам: "Сёння ў краіне наліліся праблемы і ў палітычнай сферы грамадства. Усе мы, грамадзяне Беларусі, пакутуем ад гэтага. Няхай камусьці незручна, што сябраваць

трэба з усім светам? Навошта ператвараць Беларусь у дзяржаў-ігола? Навошта пры дэмакразі дзяржаўных СМІ вуснай наездзіць аналітыку? — я маю на ўвазе А.Зімоўскага і кампанію — дзяліць наш народ на чужых і сваіх, сяброў і неспрыяцелью? Ці ж у Беларусі няма іншых, больш важных праблем, чымсяй шукаць варантаў у асобе грамадскіх арганізацый, палітычных партый, прафесійных саюзаў, студэнцкага руху, прэсы, расійскага тэлебачання і іншых".

Наталія КУЛАГІНА.

"Маладому фронту" зноў адмовілі

3 сакавіка ў Вярхоўным судзе Рэспублікі Беларусь адбылося слуханне грамадзянскай справы па іску незарэгістраванай арганізацыі "Малады фронт" да Міністэрства юстыцыі. Стварэнне іску завяршылася ў тым, што "Малады фронт" дамагаецца адмены рашэння Мінста ад 3 студзеня 2001 года, які адмовіўся зарэгістраваць гэтую апазіцыйную маладзешчанскую арганізацыю.

Вярхоўны суд у задовольненні іску адмовіў. Такое рашэнне суддзя Ганна Сакалюска матываваў тым, што для рэгістрацыі ў Міністэрстве юстыцыі арганізацыя не прадставіла свасвоёчасна ўсіх неабходных дакументаў і пры правядзенні арганізацыйных мерапрыемстваў пры заснаванні "Маладога фронту" былі лаптушаны пэўныя па-

рушэнні. Пасля абавязання судовага рашэння суддзя адзначыла, што палітычная палаліскі ў гэтай справе няма.

Аднак, на думку лідэра незарэгістраванай арганізацыі Паўла Севярынца, выказаную ў інтэрв'ю карэспандэнту БЕЛТА, адмова ў рэгістрацыі — гэта не судовая, не юрыдычная, а "палітычнае рашэнне, прынятае на ўзроўні Адміністрацыі прэзідэнта і Савета біскуп, паколькі найбуйнейшая маладзешчанская арганізацыя пераходзіць уладам, і асабліва перад прэзідэнцкімі выбарамі". Ён запэўніў, што прыкладзе максімум намаганняў для таго, каб не "дэталізаваць" да галоўнай палітычнай падзеі года ў Беларусі.

Гендзёз БАРАБАРЫЧ.

Факт і коментарый

Не трэба нам рубель расійскі?

"Калі па пытанні адзінага эмсіяннага цэнтры не будзе дадзеныя кансенсу, Рэспубліка Беларусь мае ўсе падставы для адмовы ад выкарыстання расійскага рубля на працягу трохгадовага пераходнага перыяду і ўвядзення ў абарот адзінай грашовай адзінкі не раней за 1 студзеня 2008 года, гэта значыць толькі пасля стварэння пўнацэннага адзінага нацыянальна-эмсіяннага цэнтры Саюзнай дзяржавы".

Пра гэта заявіў першы намеснік старшыні Прыўлення Нацыянальнага банка Беларусі Павел Калаўра.

Ён нагадаў, што пакуль пытанне аб статусе, задачы і функцыях адзінага эмсіяннага цэнтры беларуска-расійскай Саюзнай

дзяржавы не вызначана "у сувязі з рознымі пазіцыямі бакоў". Беларусь прапаноўвае стварыць адзіны эмсіянны цэнтр Саюзнай дзяржавы як сістэму нацыянальных банкаў дзяржаў краінаў. Вышэйшым органам гэтай сістэмы павінен стаць Міжбанкаўскі валютны савет, якому будзе дэлегаваць важнейшыя паўнамоцтвы ў галіне грашова-кредытнай палітыкі.

У Беларусі пакуль не вядзецца работа па стварэнні Канстытуцыйнага акта Саюзнай дзяржавы. Пра гэта заявіў намеснік міністра юстыцыі Волга Сяргеева па пасаджэнні пастаяннай камісіі Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Беларусі па міжнародных справах і суа-зях з СНД.

Трэба адзначыць, што прыняцце Канстытуцыйнага акта прадугледжана дагаворам аб стварэнні беларуска-расійскай Саюзнай дзяржавы. Акт павінен вызначыць дзяржаўны лад Саюзнай дзяржавы, не правую сістэму.

Нічога аб распаўсюўцы гэтага дакумента не вядома і старшыні парламентскай камісіі па міжнародных справах і суа-зях з СНД Анатолію Маладзеву. Паводле яго слоў, гэтае пытанне яшчэ ні разу не абмяркоўвалася на Вышэйшым дзяржаўным саўеце Саюзнай дзяржавы і пакуль ніводзін з бакоў яго не разглядаў ні ў якой форме. Наогул, як заявіў Анатолі Маладзев, у гэтым пытанні "яшчэ конь не кацаўся".

Юрыя ПАЎЛІКІН, БЕЛТА.

Ну, нарэшце! А то ўжо кепска думкі лезлі ў галаву: штосьці даўня не было скандальчыка аб грашовай інтэграцыі. Няхай справы пайшлі на лад? Але, дзякуй Богу, пакуль не.

Грашовай інтэграцыя з Расіяй — адна з самых "бардацкіх" тэм. Яшчэ Кебіч выхадзіў, што калі да нас прыйдзе расійскі рубль. Пяці тэбачні нават паказвалі вагоны з грашмамі, якія нібыта адпраўлялі ў Мінск. Было гэта дадоў сем таму. Ідуць яны да сённяшняга дня...

Пудзі са сваёй рашучасцю "мачыць усіх у туалетах" ударыў з Лукашэнкам па руках і ўсяму свету аб вай: з першага студзеня 2005 года ў Беларусі будзе расійскі рубль, а з 2008 года — новая грашова адзінка Саюза. Не паспелі пракохнуць чарпільні на той дамо, як пачалася яе рэвізія. Першым рэвізорам выступіў сумнавядомы Барадзі. Перад ад сазам у Нью-Йоркскую турму ён заявіў: навошта так доўга чакаць? Агульную валюту можна ўвесці ўжо ў 2001—2002 гадах. На што з Нацыянальнага банка Беларусі пачулася рэпліка: а хто такі Барадзі? Ён можа паварыць усё, што яму ўздумаецца. Але ж ужо вызначаны тэрміны грашовай інтэграцыі.

Вядома, дзе кулакамі махаюць, там і Лукашэнка. Ён тут жа ўваўся ў палеміку "дуд па сямі дык" свайму Нацыянальнаму банку, заявіўшы, што не выключна ўвядзення адзінай з Расіяй гра-

шовай адзінкі раней тэрміну. Праўда, крыху пазней у інтэрв'ю інфармацыйнай кампаніі "Інтэрфакс" ён ужо заявіў іншае. Паводле яго слоў, пытанне фарміравання адзінага эмсіяннага цэнтры будзе дэлегаваць прапарцыя ўладам і нацыянальным банкам абодвух краінаў.

І вось новая паведамленні. Са слоў першага намесніка старшыні Прыўлення Нацыянальнага банка Беларусі Паўла Калаўра вядома, што асноўнае пытанне так і не вырашана. Больш таго, у саюзі з расійскай прапарцыя іхні грашмамі. Нічога сабе алёты! Праўда, маглі б замкнуцца і на долары. Калі ўжо замкнуцца, дык на самыя лепшыя.

Але і гэта яшчэ не ўсё. Пакуль нават не вядзецца работа па стварэнні Канстытуцыйнага акта саюзнай дзяржавы. Старшыня парламентскай камісіі так званай Палаты прадстаўнікоў Анатолі Маладзев, які не вызначыў асаблівай лярвай, і то забавіўшы, што тут "яшчэ конь не кацаўся".

А той жа акт — правая аснова для ўсіх астатніх паданняў. Якая без яго можа быць грашовай інтэграцыя?

Ну то і дзякуй Богу. Значыць, яшчэ застаецца ў нас важнейшы аtryбут незалежнасці.

Алесь ДРАБЧУК.

Інцыдэнт

Схватка Сцяпана Кузьміча з Алесем Чэхольскім

Раніцай 2 сакавіка, вяртаючыся на цягніку з Варшавы, сакратары Цэнтра Кансерватыўна-Хрысціянскай партыі — БНФ Алесь Чэхольскі быў затрыманым супрацоўнікамі прэсы і паліцыі. Мінскі прэтырыял сп.Чэхольскага тры гадзіны ў мытняй зале, дзе зрабіў агляд атонаў рэчэй і канфіскаваў 745 атонаў чэска-слова "Беларускія вядомасці". Быў складзены прэтырыял, справу будзе перададзена ў суд. Чэхольскі кваліфікаваны як "матэрыялы, якія лагражваю палітычным ладу Рэспублікі Беларусь".

У сп.Чэхольскага складалася ўражанне, што ён знаходзіцца не на беларускай мяжы, сустракаецца

не з беларускімі мытнікамі, а на працягу на мытніцу службы Расійскай імперыі. На ягоныя патрабаванні звартацца да яго на дзяржаўнай беларускай мове службоўцы адказвалі размова адмовай у адэквівалентнай форме. Не было прадставлена анвіднага афіцыйнага дакумента, анвіднага бланку на беларускай мове. Калі мытнікі прапавалі яму папсіваць дакументы, сп.Чэхольскі адмовіўся зрабіць гэта, матывуючы тым, што паперы запавуны не па-беларуску.

Дарчы, службовыя асобы ўпарта не называлі свае прозвішчы і толькі з працягу стала вядома, што рабіў затрыманне

старшы інспектар Сцяпан Васільевіч Кузьміч. Сп.Чэхольскі мае намер падаваць супраціў іск у суд, каб дамагчыся вяртання канфіскаваных вядомасцяў.

Трэба адзначыць, што пасля звароту да сп.Янона Пазыняка з заклікам вылучыць сваю кандыдатуру на прэзідэнцкіх выбарах з боку сяброў Кансерватыўна-Хрысціянскай партыі — БНФ увага да дзеячў руху і партыі з боку рэжымна значна абвастрылася.

Прос-служба Кансерватыўна-Хрысціянскай партыі — БНФ.

Март. Последний снег, но хороший.

Фото IREX/ProMedia.

Працягваецца падпіска на "Народную волю"

"Народная воля" аб'яднала шырокавядомых публіцыстаў краіны і самых нераўнадушных чытачоў. Наша агульная мэта — незалежнасць Радзімы, шчасце народа.

Нашы аўтары:

— пісьменнікі Васіль Быкаў, Гендзёз Бураўкін, Ніл Гілея, Анатоль Казловіч, Алесь Петравіч і многія іншыя;
— кінарэжысёр Віктар Дашук;
— філосаф-вучоны Вячаслаў Огірні;
— юрыст-вучоны Міхаіл Пастухов;
— эканамісты-навукоўцы Уладзімір Кулажанка, Іван Нікітчанка, Барыс Жэліба;
— грамадскія дзеячы Людміла Гразнова, Анатоль Лебедзька, Васіль Шлындзікаў, Уладзімір Нісюк;
— журналісты Уладзімір Глод, Анатоль Гуляев, Марына Коктыш, Алесь Сіліч, Андрэй Саржан, Ганна Соус, Марыя Эйсштэйт.

Яны працуюць для нас, нашы чытачы.

У 2001 годзе газета распачала доўгачэрпную праграму "Энцыклапедыя "Народная воля". Мы расказам пра славных вучоных, вайсковцаў, пісьменнікаў, дзеячў культуры, якія нарадзіліся ў Беларусі, сталі вядомымі ў свеце, але засталіся амаль невядомымі на Радзіме. Чытачы змогуць стварыць з гэтых матэрыялаў уласныя энцыклапедыі.

Больш увагі, чым раней, газета будзе ўдзяляць жыццю ў рэгіёнах краіны. Чытач ужо забавіўшы нашу пастаянную рубрыку "Камандзіроўка". Карэспандэнты "Народнай волі" ўвёсць час у дарозе.

Як заўважы, на старонках "НВ" будуць прысутнічаць рубрыкі "Скандал", "Закулісся", "Калідоры ўлады", "Лёс чалавека". Канешніе, мы не забудзем спорт, шашкі, шахматы, красаводы.

Няхай у вашай хаце будзе святая — "Народная воля".

Пасляшчыя падпіска на "Народную волю"! Падпіска на другі квартал прымаецца ва ўсіх паштовых аддзяленнях, пунктах "Белсаюздруку", у грамадскіх распаўсюджальніках.

Кошт падпіскі — на ўзроўні чацвёртага квартала 2000 года.

Для індывідуальных падпісчыкаў (індэк — 63222):
на адзін месяц — 1500 рублёў; на квартал — 4500 рублёў.

Для пенсіянэраў, інвалідаў, уладальнікаў паўдзял або квартальнай падпіскі (індэк — 63429):
на адзін месяц — 1200 рублёў; на квартал — 3600 рублёў.

Для вядомасцяў падпіскі (індэк — 63225):
на адзін месяц — 3000 рублёў; на квартал — 9000 рублёў.

Сініцын б'е трывогу: спыніць рабаўніцтва краіны!

"Палатнікі" — у спакоі

Шырокае рэзананс у грамадстве выклікала пісьмо былога кіраўніка Адміністрацыі прэзідэнта Леаніда Сініцына дэпутату Нацыянальнага сходу. У ім ён паведамляе аб тым, што наша краіна на можа рабаўніцкай прыватызаванай, на продаж з матэрыялаў прадпрыемстваў беларускіх прадпрыемстваў. Складар Сініцын заклікае палатніку спыніць гэты разбуральны працэс.

Старшыня камісіі па праблемах чарнобыльскай катастрофы, экалогіі і прыродакарыстанні Валянцін Кручкова паведаміў, што ёсць меркаванне вывучыць пісьмо. Наогул яго ўжо звярталі некаторыя дэпутаты. Член Камісіі па прамысловасці, палітна-энергетычным комплексам, транспарце, сувязі і прапарцыям Уладзімір Жаўка адзначыў, што ён толькі што атрымаў пісьмо Сініцына, таму трэба будзе перагаварыць з калегамі і вызначыцца. Тым дагаварыць узятай у тым пісьме праблема, дык пра палітычныя звесткі ён не чуў. Намеснік старшыні камісіі па грашова-кредытнай палітыцы і банкаўскай дзейнасці Мікалай Бародка паведаміў, што пісьмо Сініцына міркуецца падпарадкаваць на пашыраным пасаджэнні Камісіі.

Як бачым, рэакцыя дэпутатаў так званай Палаты прадстаўнікоў даволі стрыманая, асаблівай рашучасці ў расследаванні важнейшай праблемы пакуль не назіраецца.

Іван СЯРГЕЕЎ.

**Размешчаю
рекламу
на страницах
"Народной
воли".**

Вы не только укрепите свой бизнес, но и строите новую Беларусь!

Реклама не обязательно доставляет в редакцию, ее можно вместе с гарантийным письмом перелать по факсу: (017) 206-69-04. Телефон для справок: (017) 206-69-06.

САКАВІК

6

АЎТОРАК

© Усклад 6.46 Захад 17.58 Дзень дзя 11.10	Пўня 9 сакавіка Захад 5.58 Усклад 13.33
---	---

Пр. Астапа, Георгія, Цімафя, К. Рука, Віктара.

Трудная победа депутата Терени

В Ошмянках прошел повторный суд по "таможенному делу" депутата Верховного Совета 13-го созыва Геннадия Терени. Напомним, что 29 января Терени возвращался на поезде из Вильнюса, где он принял участие в семинаре по несправедливым методам борьбы. К обвинению Терени, которых в мире ежегодно проводится сотни, было приковано внимание белорусских спецслужб. Видимо, по этой причине, обнаружив в багаже Терени учебные материалы вильнюсского семинара, таможенники носили ночь сяды депутата с поезда на пригнанной станции Гудогай, протерзали 3 часа в "кутузке", а потом, не составив никакого протокола, ранним утром отпустили. При этом таможенники не поинтересовались, есть ли у "недобитого пассажира" деньги на билет до Мінска или нет.

Далее началось судебная канитель. Вильнюсский суд Терени судят уже не за провоз неких "опасных для государства" материалов, а за "невыполнение законных требований работников таможи". Что подразумевалось под этим "невыполнением"? Геннадий Терени, как утверждали свидетели, подчинился абсолютно всем требованиям работников таможи. Протокол 14 февраля около 300 километров и приехал в Ошмянку на первый суд, обвиняемый увидел, что ни один из таможенников, которых, к слову, живут в Ошмянках, не явился. Поэтому депутаты и его общественному представителю пришлось возвращаться в Минск и ждать второго суда, назначенного на конец февраля.

На второе заседание таможенники все же соизволили явиться,

однако не принесли ни одного конфискованного у Терени материала (за которые, собственно, судят и был снят с поезда). Соплатился на то, что материалы находятся "на изучении в Совете безопасности".

По мнению представителя Геннадия Терени в суде Бориса Звонкова, "материалы в суд не были представлены таможенниками осознанно по причине того, что никакого криминала в этих материалах нет и быть не может, — это обыкновенные учебные пособия, включая переписки из совершенно легального издательского "Бор". Далее Борис Звонков рассуждает: "Таможенники часто путались в своих показаниях на суде, не могли ответить на ряд вопросов и, в конце концов, договорились до того, что Терени якобы нецензурно выражался и вел себя вызывающе. Я знаю полковника

Терени очень хорошо и уверен в том, что он не мог себе этого позволить, тем более в присутствии представителей власти".

При задержании Геннадия Терени не были составлены ни протокол об изъятии, ни протокол досмотра вещей, ни протокол о личном осмотре и так далее. "Процедура, предусмотренная законом в этом случае, соблюдена не была. При этом изначально закладывается потенциальная опасность для других граждан в будущем, — считает Звонков. — Судья из Ошмян заявил, что протоколы при отставке административного правонарушения составлял не обязательно, а значит, получается, что правоохранительным органам дается право задерживать любого человека без составления протокола и исполнения строгой, предусмотренной законом процедуры".

Александр СИЛІЧ.

Права "вшивой блохи"

Права человека белорусское государство понимает в прямом смысле этого слова — как права лишь одного человека. Знаете, кого...

За нарушение прав этого одного человека и предусматривается уголовное преследование в новом Уголовном кодексе. В нем нет даже упоминания о привлечении к ответственности должностных лиц государства за нарушение общечеловеческих прав граждан. Потому как людей в нашем государстве как бы нет. И в самом деле, какие права человека могут быть у "вшивой блохи"?

А вот в государстве США считают иначе. И не только считают, но и ведут учет. Перечень совершенных белорусским государством нарушений прав конкретных людей в 2000 году в очередной раз увеличился и занял 43 страницы.

К слову, это 25-й (можно сказать, юбилейный) ежегодный доклад, который Государственный департамент США предоставляет своему законодательному органу. И то не просто формальность. Конгресс США, в отличие от белорусского парламента, может поставить вопрос перед президентом Соединенных Штатов за неприятие мер по защите прав человека. А потому исполнительная власть США на нарушения прав человека реагирует: к докладу приложены 37 (17) заявлений,

сделанных в 2000 году должностными лицами и государственными органами по вопросу соблюдения прав человека в Беларуси.

Последним в 2001 году (12 декабря) было заявление американского посольства по вопросу заявленных трехдневных инсинуаций государственного телевидения Беларуси о "призыве" посла США Дэниса Спекхарда "вести торговые санкции против Беларуси". Посольство США обратилось к белорусскому телевидению с требованием признать лживый характер данного репортажа и опубликовать опровержение.

Увы, увы... Опровержений не последовало. Не знаю, как остальные граждане Беларуси, но лично я за два срока нахождения в власти А.Лукашенко не слышал слов извинений ни от главы нашего государства, ни от его телевидения.

Особо хочу отметить, что в докладе Госдепартамента США по вопросу нарушения прав человека нет выводов. Это — информация к размышлению. Правдивая, между прочим!

Валерий ШУКИН, правозащитник, БХК.

Як ми ўжо паведамлялі, пра свой удзел у прэзідэнцкіх выбарах афіцыйна абвясціў генерал-палкоўнік Павел Казлоўскі

Коктейль из

или Еще раз о политических шулерах

жесты и жестокость, и грубые слова, и грубые прикосновения происходили изнутри. Чобы потом поставить вопрос о легитимности парламентских выборов в Беларуси. Точно с такой же целью, являясь членом Белорусской социал-демократической партии (Народная Гражданская Партыя), я и коммунист Николай Санько. Ни меня, ни у него изначально не было иллюзий, что окружная избирательная комиссия обеспечит равные условия предвыборной борьбы для кандидата от власти и для нас, оппозиционеров. Тем более, что в Беларуси, в отличие от России, не существовало никаких механизмов, способных противостоять многочисленным грубым нарушениям. Избирательная комиссия была создана

числе и солигерские, активно работали именно на кандидата с властью, кандидаты-оппозиции в то же время были напористы и на местном радио, и на городского телеканала. Лишь для нас совместных дебатов в публичес с П.Калугиным. Были закрыты перед соперниками и нервного директора п/б «Вестник»! Зверки кандидаты, приняты города, местная «Беркаль» в своих выступлениях конкретно и настойчиво призывала избирателей отдать свои голоса именно за кандидата, которого представлял парламент в Луцке. Но всем этом господин Навоенатписал подробно, так что не буду повторяться.

Но вот что касается чудовищного предвзятия, которое, по указываниям С.Навоен, совершил в отношении него Насанович Сапко, оставив свою кандидатуру в списках для голосования, хотя смори публикацию С.Навоен в «Свободной прессе» и на том же каналу «СолТЭК» с совместным заявлением об отказе участвовать в таких выборах и подали в одну избирательную комиссию соответствующий документ. По моему мнению, это предвзятие, ведь автор статьи, мягко говоря, необъективен. На самом деле он обстоило так 12 октября вечером телеуслухи «СолТЭК» действовали на слухи, что кандидат с совместного заявления об отказе участвовать в выборах. Эту записку

Шуерах

ми, либо объясняли, что он отпел свои грехи в пользу П.Калугина.

Лукавит либерал-демократ когда утверждает, что Л.Насанович и Н.Сонко подали после записки на "СоЛТЭК" в окружную избирательную комиссию заявление о том, что отстраняются от участия в выборах. Таких заявлений не было. Были другие заявления, ставшие в комиссии избирательскими днями раньше. В них мы указывали, что в сложившихся неравных условиях ведения предвыборной агитации мы считаем справедливым, чтобы кандидаты выступили с выборами.

И уж совсем абсурдным нам представляется утверждение С.Рубцова, что это Л.Насанович и Н.Санко провели кандидата в депутаты. Мол, иначе бы свои кандидатуры — и выборы не состоялись. Так как было бы пятидесятипроцентное явка избирателей на участки.

Выборы в солонгере не состоялись, а потому и не было осведомленный в делах солгонской мафии журналист, стоявший уличивший накопившей компромат на правоохранительные органы на того же "террорного директора" по делу Бесарукского — и потому, что явка на избирательные участки Солонгоса составила максимум 43,14 процента. Во всем случае, об этом свидетельствуют протоколы участковых избирательных комиссий. Наблюдалось

Сергей, бескомпромиссный сын
наш борел за правду.

И уже никакой критики не вы-
держивает следующий вывод жюри
либерал-демократы: где правда,
а где между строк они угадывают, что
на самом деле ИГ и ИХБ были за
интересными именно в том, чтобы
разорвать власти и облегчить путь
Калугину в депутатское кресло. А так
как, на взгляд Яновца, лично БСПП
(ИГ) в этом плане и правда успеш-
нее, чем ИХБ, то ИХБ и не было
этим причине руководство социал-
демократов сразу же после выборов
поощрило Насанович поездкой в
Швейцарию. Придется разочаровать
Сергея. Не руководство БСПП
(ИГ) не помогло, а Швейцария
и вовсе не имела. Швейцарские социал-демо-
краты прислали мне прямое при-
глашение после того, как побывали
прошлой весной в Солитерке.
Пригласили же они меня еще
тогда, когда я еще не знал, буду
ли выдвигаться кандидатом в деду-
та. И в том, что газета "Саллар-
насьц" Белорусского независимого
профсоюза оказала информацион-
ную поддержку П.Калугину, пер-
вично не было. И не было и тогда.
Тут уж социал-демократ, руково-
дитель Белорусского независимого
профсоюза В.Бабец, кстати, член
ЦК партии, действовал совершенно
самостоятельно. И у В.Бабеца
было давнее дело о членстве в
белорусского независимого профсо-
юза Н.Делендика и Н.Зимина,
которые по совместительству явля-
ются руководящими членами
социальной-демократии, весьма
активно участвующими в разви-
тии демократического движе-
ния в Беларуси.

Михайл Горбачев з дочерню.

Именем Горбачева назвали орхидею

Михайл Горбачев отметил, как извещено, в конце прошлой недели свой 70-й день рождения. Одним из самых необычных подарков к юбилею стал неизвестный прежде вид орхидеи, названный его именем. Этот ярко-красный цветок нашел в горных тропических лесах Боливии французский ученый Пьер Ийби. В день рождения Михаилу Сергеевичу доставили фотографии с изображением этой орхидеи. В ботанических справочниках она будет называться "Максиллария горбачева".

"Эхо Москвы".

После обвала моста ушел в отставку министр коммуникаций Португалии

Премьер-министр Португалии принял отставку министра коммуникаций

страны Жоржи Коэльо. Отставка министра последовала после того, как некоторое время назад обрушился мост через реку Дору (Дурро), в результате чего погибли более 70 человек. По случаю отставки министр Коэльо премьер-министр Антониу Гутереш заявил: "Это очень достойный поступок для человека, который не несет личной ответственности за случившееся".

"Франс-Пресс".

Швейцарцы отказались вступить в ЕС

В воскресенье 77 процентов швейцарцев в ходе референдума высказались против вступления в ЕС. Швейцарцы отвергли предложение о членстве в Европейском Союзе. "Мы очень довольны результатами", — сказал президент Швейцарии Моритц Леонбергер. "Это политический ответ всего народа", — подчеркнул он. В некоторых немецкоязычных кантонах страны — традиционно наиболее скептически относящихся к идее вступления в Евросоюз — количество голосов "против" достигло 85 процентов. Даже в лояльных к ЕС франкоязычных кантонах, таких как Женева, более половины граждан проголосовали против предложения.

США обрели свою Мисс-2001

Состоялся заключительный тур ежегодного конкурса красоты "Мисс США". В этом году корона победительницы досталась 24-летней "Мисс Техас" Кэндис Крайтер, получившей ее вместе с лентой и букетом цветов из рук "Мисс США-2000" Линнет Коул. "Мисс США-2001" изучает журналистику в Техасском университете "А&М" (Texas A&M University), расположенном в городе Колледж-Стейшн. Второе место на конкурсе красоты завоевала "Мисс Канзас" Колумбия Лайан Энглс, третье место досталось Тиффани Фэллон из Джорджии.

"Ассошиэйтед Пресс".

Талибы не будут продавать статуи Будды

Министр иностранных дел правительства талибов Вакиль Ахмед Мутав-

киль отклонил предложение Ирана о выкупе и вывозе из Афганистана буддийских статуй, которым грозит уничтожение. "Мы сказали Ирану, что сохранение культурного наследия — действительно наша обязанность, но уничтожение идиологический долг", — отнесся в заявлении Мутаваккиля. Исламский Иран присоединился к протестам из стран мусульманского мира против уничтожения древнего буддийского комплекса в провинции Бамиан.

Ранее за вывоз из Афганистана статуй Будды выступила Индия, объявив о готовности самой позаботиться об их сохранности. Между тем переговоры в афганском городе Кандагар специального посланца ЮНЕСКО Пьера Лоранса с представителями администрации талибов не увенчались успехом. "Я не вижу никаких возможностей пересмотреть наше решение и приостановить уничтожение статуй", — заявил министр иностранных дел Вакиль Мутаваккиль после встречи с Пьером Лорансом.

За одну ночь в Боснии освобождены 177 иностранок

В ходе одной ночной полицейской операции "Макро" в Боснии и Герцеговине освобождены 177 женщин из Румынии, Молдавии, России, Беларуси и Украины, которых принуждали заниматься проституцией. В связи с подозрением в принуждении иностранок к проституции арестованы 223 человека, среди них около 38 публичных домов и ночных клубов. Освобожденные в ходе операции женщины находятся в одном из управлений муниципальной полиции в Боснии и Герцеговине и будут в ближайшее время возвращены в те страны, откуда они прибыли в Боснию.

ИТАР-ТАСС.

В Дании — ящур

В Дании были подтверждены случаи заболевания скота ящуром. Предварительное тестирование дало отрицательный результат. Министерство сельского хозяйства Дании предполагает, что болезнь проникла в страну из Вели-

кобритании. В течение суток должны будут выясниться результаты тестирования скота на французских фермах.

"Ск-Эв-Эв".

Президент компании "Кока-Кола" Джек Стал уходит в отставку

Об этом говорится в пресс-релизе компании. Уход Стала связан с реорганизацией компании. Теперь она будет включать в себя четыре отделения — Американское, Азиатское, Европейское/африканское и Отделение новых проектов.

Ранее "Кока-Кола" имела несколько отделов, каждый из которых управлялся своим президентом, подчинявшимся непосредственно Сталу. При новой организационной структуре компании руководство каждого из направлений отвечает только перед главным управляющим Дуэласом Дафтом. В реорганизованной компании Стал "ощутил, что как руководитель не играет никакой роли", поэтому он решил "поискать другие возможности применить свой опыт", заявил представитель "Кока-Кола" Роб Баскин.

"АК&М".

10 боевиков-камикадзе готовы осуществить теракты по всему Израилю

Представители палестинского исламистского движения "Хамас" выступили с заявлением, что в настоящее время более 10 фанатиков-камикадзе готовы осуществить теракты по всей территории Израиля. В воскресенье палестинец взорвал себя в городе Нетания на севере Израиля, убив еще троих и ранив несколько десятков человек. Движение "Хамас" не взяло на себя официально ответственность за теракт, однако назвало его "храбрым поступком настоящего сына своей страны".

Руководство движения обещает, что серия терактов будет осуществлена в тот день, когда Ариэль Шарон полностью сформирует новое правительство Израиля.

"Франс-Пресс".

Борис ЕЛЬЦИН

Операция: до и после

(Продолжение. Начало в №№ 41, 42.)

Это случилось 26 июня, за несколько дней до второго тура выборов.

Приехал с работы на дачу около 17 часов. День был напряженным, тяжелый. Я прошел по холлу несколько шагов. Сел в кресло. Решил, что отдохну немного прямо здесь, а потом уже поднимусь на второй этаж, переоденусь.

И вдруг — странное очень чувство — как будто тебя взяли под мышки и понесли. Кто-то большой, сильный. Болит еще не было, был вот этот потусторонний страх. Только что я был здесь, а теперь уже там... Есть это чувство столкновения с иным, с другой реальностью, о которой мы ничего не знаем. Все-таки есть...

И тут же арестовала боль! Огромная, сильнейшая боль!

Слава Богу, совсем рядом оказался дежурный врач Анатолий Григорьев. Он мгновенно понял, что со мной произошло. И начал вводить именно те медикаменты, которые необходимы при сердечном приступе. Практически через несколько минут. Положили меня прямо тут, в этой же комнате. Перенесли кроватку, включили кислородную аппаратуру. На моих жемчужных пальцах не смотрели, так они перепутались. Наверное, вид у меня был... хуже не придумаешь.

А я думаю: "Господи, почему мне так не везет! Ведь уже второй тур, остались считанные дни!"

На следующий день огромным усилием воли заставил себя встать. И опять говорил только об одном: "Почему, почему именно сейчас?" Наина все повторяла: "Боря, я прошу тебя, успокойся, все будет хорошо, не волнуйся!"

Запланированную встречу с Лебедевым решил не отменять.

На второй день после инфаркта, 28 июня, из обычной гостиной, куда теперь перенесли мою кроватку, устроили что-то вроде рабочего кабинета. Оператор (иначе, кремлевский) долго думал, чтобы ничего лишнего в кадре не было, особенно роля, который по традиции всегда тут стоял, и, само собой, кровати. Медицинскую аппаратуру чем-то накрыли. Наина умоляла об одном: "Боря! Только не вставай! Сиди в кресле! Тебе нельзя вставать!" Но я не выдержал и заставил усилием воли себя встать, здороваясь с гостем.

Лебедь был очень доволен встречей. Ему сказали, что я простудился, он лишних вопросов не задал. Мне же почему-то запомнился его необычный внешний вид: черные туфли, белое носки и белый клетчатый пиджак. Это он оделся по-летнему! — промелькнула в моем сознании мысль. В первом туре — 16 июня 96-го — Александр Лебедь набрал 15 процентов голосов. А 18 июня я назначил его секретарем Совета безопасности. Наши договоренности перед вторым туром о том, что Лебедь прямо сейчас, не дожидаясь итогов голосования, останется в отставке, ставшимся в начале нового правительства, начинают занимать Чечней, были важны и для него, и для меня. Это короткая встреча в Барвихе накануне второго тура имела принципиальное значение. И отменить ее я не мог.

Силы постепенно возвращались. Тем не менее ходить врачи пока категорически запрещали. Но до 3 июля (второго тура выборов) оставались считанные дни. Встал вопрос: где будут голосовать президент и его семья? Наина ставила, чтобы мне, как "порядочному болельщику", избирательную урну привезли прямо домой. "Это же по закону!" — чуть не плача, говорила она. "Да, по закону, но я хочу голосовать вместе с вами. И что ты предлагаешь?" Я позвал Танию, и мы обошли все варианты. Первый — голосовать по нашему московскому адресу, на Овсенной. Его отвергли почти сразу: длинный коридор, лестница, долго идти по улице. Даже я, со своим упрямством, и то понял, что это невозможно. Второй вариант: санаторий в Барвихе, недалеко от дачи. В санатории всегда голосуют, там есть избирательный участок, и все будет по закону, все правильно. Тогда же можно пригласить и корреспондентов.

Я продолжал сомневаться: "Ну что это за голосование, среди больных?" Папа, журналистом будет чуть-чуть меньше, но поверь, он будет совсем не мало. Основные каналы телевидения, информационные агентства, все как обычно! — успокоила Тания. "А как объяснить, почему я отправился в Барвиху накануне выборов? — не унимался я. "Все знают, сколько ты мотался по стране, сколько сил отдал избирательной кампании. Никто не удивится, что ты выходишь первым и вторым туром краткосрочный отпуск, поверь. Тебе только отдыхать надо".

"Неудобительно", — проворчал я. Но в конце концов согласился.

...Было понятно, что мы с Энгельновым идем практически в одном направлении. Энгельнов, избравшись в Госдуму, будет работать на благо страны, а не на благо себя. И это было для меня самым важным. Именно об этом мы и говорили все СМН.

Случился приступ на месяц раньше, результаты выборов, наверное, были бы иными. Удержал темп и напор предвыборной кампании просто не удалось бы. И Энгельнов мог выиграть благодаря такому "подарку судьбы". Страшная перспектива. Старался об этом не думать — лежал, принимал лекарства, общался с врачами, семьей и буквально считал часы до голосования! — корей! Ско-

9 августа 1996 года. Дворец съездов. Инаугурация.

рей!... Кроме семьи, об инфаркте, разумеется, знали только лечащие врачи, несколько человек из охраны и персонала. Не то что близкий круг — ближайший!

В воскресенье, 27 июня, Тания и Чубайс встретились в "Президент-отеле", там, где работал штаб. Весь график встреч между первым и вторым туром, все акции, поездки на предприятия пришлось отменить под благовидным предлогом — изменение тактики: президент, мол, уверен в успехе. И на в коем случае не допустить утечки информации о болезни.

Конечно, я и мои помощники ходили по лезвию бритвы: позволять ли скрывать такую информацию от общества? Но я до сих пор уверен в том, что отдавая победу Энгельнову или переносить выборы было бы во много раз больше, нежели худшим излом.

В воскресенье, в день второго тура с огромным трудом показал вместе с Наиной на избирательный участок. Телекамеры ОРТ, РТР, НТВ, журналисты и корреспонденты информационных агентств, всего человек двадцать, внимательно следили за каждым моим движением. Собрав волю в кулак, я улыбнулся, сказал несколько слов: "Послушайте, я уже столько раз отвечал на все ваши вопросы..."

...Итогов голосования ждал, снова лежал в постели. Победа была с привкусом лекарства. И тем не менее это была фантастическая, удивительная победа! Я победил, хотя в начале года никто, вообще никто, включая мои близкие, не считал, что я смогу выиграть. Победа была вопреки прогнозам, вопреки минимальному рейтингу, вопреки инфаркту и политическим кризисам, которые преследовали нас весь первый срок моего президентства.

Я лежал на больничной койке, напряженно смотрел в потолок, а хотелось встать и прыгать! Рядом со мной были родные, друзья. Они обнимали меня, дарили цветы, и в глазах у многих стояли слезы. Теперь было время вспомнить всю эту тяжелую кампанию, победу, день за днем. Да, пришлось мне в эти предвыборные месяцы нелегко. Врачи ходили по пятам, хуже чем охрана. Все их специальные аппараты, слезные ванны от испуга лица уже спокойно видеть не мог. Слышать не мог одно и то же: "Борис Николаевич, что вы делаете! Ограничьте нагрузки! Борис Николаевич, вы что!" Но куда деваться? Они честно делали свою работу. Следили за каждым моим шагом. Всюду за спиной стояли с иголками и шприцами. И имели для этого некие основания: сердце принимало удары постоянно. Причем капитально, с комом в горле, с упыляющим горизонтом, все как положено. В народе, я слышал, бытует мнение: доплатил Ельцину на выборы, доплатил. Верно, был такой случай. Вместе с певцом Женей Есениным я на сцене Александровского театра, сплывал. Никакое сердце, никакие предупреждения врачей не могли снизить мой эмоциональный тонус, мой огромный настрой и желание выиграть этот бой. Пожалуй, впервые я участвовал в такой широкой кампании — летал по стране, каждый день встречался с огромным количеством народа, выступал на стадионах, в дворцах спорта, на концертах, под шум гвалта, свист и аплодисменты молодежной аудитории. И это меня "заводило" необычайно. Перед этим зловещим концертом в Ростове-на-Дону Тания умоляла: "Папа, я тебя прошу, только не танцуй!" Но я ничего не мог с собой поделать... Эти сильные положительные эмоции не мешали жить, а помогали.

Так что танца абсолютно здесь ни при чем. Накопился усталость, стрессовые ситуации. А вот теперь появилось время пожелать, пожелать что-то о мной? Когда это началось? И к чему приведет?

Еще до выборов, весной, было коллективное письмо врачей на имя Коржакова, в котором они прямо указывали на катастрофическое состояние моего сердца. Мне это письмо не показали, семье тоже. Прочитал я его много позже.

За последние две недели в состоянии здоровья Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина произошли изменения отрицательного характера. Все эти изменения напрямую связаны с резко возросшим уровнем нагрузок, как в физическом, так и в эмоциональном плане. Существует реальная угроза здоровью и жизни президента!

Заключение подписали десять врачей. Содержание письма Коржаков не скрывал, неоднократно намекал Тание, что, если со мной что-то случится, виноватым будет он. А вот сам документ не показывал никому. Я же теперь, лежа на больничной койке, вспоминал другое письмо, написанное врачами года полтора назад, о том, что мне необходима коронарография — исследование сосудов сердца. Кроме врачей, о письме знали и Коржаков. То письмо семье тоже не показывали.

Эх, если бы я своим сердцем занялся не в год выборов, а немного раньше! Но что об этом говорить... Итак, что мы теперь имеем? Я — больной не безнадёжный, но врачи сто процентов успеха парантролировать не могут. Много отрицательных факторов. Они говорят: пятнадцать лет пьет спирит...

Но авторское отношение к операции — операция не уникальна. Хирурги знают ее наизусть. Опыт у них достаточно большой. Хотите, — сказали они, — давайте за границей, хотите — здесь. Предупреждаю заранее: в России опыта меньше, за границей есть хорошие клиники, где спланированы все операции на сердце. Зато здесь будет комфортно. И вообще российский президент должен оперироваться на родине! — "А если я не пойду на операцию?" Возникла пауза. "Ваше состояние будет плавно ухудшаться. Помощь врачей будет требоваться постоянно. Работоспособность будет неуклонно падать. Сколько именно вы сможете прожить — год два, три, может быть, меньше, — мы точно сказать не можем".

Нет, такой жизнью я жить точно не смогу. Надо решать. Надо оперироваться. Спросил врачей: "Когда?" — "Не раньше сентября. Сначала надо восстановить силы после инфаркта, пройти все обследования". Это хорошо. Значит, есть время, есть возможность все взвесить. И все вспомнить.

...Началась подготовка к инаугурации. 9 августа на сцене Дворца съездов, положив руку на Российскую Конституцию, я произнес слова торжественной присяги.

Сцена Дворца съездов. Альба, зеленые — голубые, казенные там цветы? Душно, несмотря на все кондиционеры. Режет глаза. Никогда в жизни я не был так напряжен. Мне всегда не по душе принимать почести, ходить по сцене. А сегодня особенно. Несмотря на все старания врачей, именно в этот ответственный момент чувствовал я себя уязвимым, хотя мне коллегия обязывала.

Накануне мы с Анатолием Чубайсом ломали голову, как сократить церемонию по времени.

Егор Стровес, глава Совета Федерации, вручаящий мне президентский орден — символ власти и чести, патриарх Александр II, стоявший рядом со мной, и все, что было в зале, переживали за меня — я это видел.

"Ну ничего, не бойтесь. Ельцин выдержит. И не такое выдерживал". Торжественные, высокие слова клятвы. Для меня они в сто раз стали и тяжелее, и дороже. Что же будет дальше? (Продолжение на 4-й стр.)

Презентация

Адкуль наш род

У старожитых наших предков бытывали: пры пасажны юнак у мужчын паказваў шраг выпрабаванай. Ён паказваў смеласць і спрыт у пераходленні перашкоды і ў паліванні. А яшчэ — распаўсюд пра сваё дзяло, прадзеда і прапрадзеду. Інакш — прыч з сябрамі нічымуна і бясмятэнага, ён жа можа, не выключана, стаць збрэднікам...

А што можа сказаць пра сваё папярэдняе, далёка і не зусім далёка часе Бацькаўчыны мы, уступішы ў трынаццатгадзёе? Памятаю, як дзятэльца ў школьнай гады штудыравалі мы гісторыю старажытных цывілізацый, іх матэрыяльную і мастацкую культуру, талчасныя уладары і знамяцітасці. У галаве наважна засялі егіпецкі фараон Рамзес і вірыіскі цар Ашурбанипал, рымскі імператар Нерон, не кажучы ўжо пра расійскіх самалдзержцаў.

Басматрыча, гэта ўсё — і многае іншае — павінен ведаць кожны пісьменны чалавек. Але вось тое, што ў шырокай гістарычнай падрыхтоўцы не знаходзілася месца: для нашай роднай Беларусі, што мы ў дзяцінстве не чулі нават імянаў ні вялікай, асабліва паліваішчэ Еўфрасініі Полацкай, ні славацка князя Вітаўта, ні вынаходніка ракет Казіміра Семяновіча, апрадзюшага не на адзін век

расійскага Цыцкоўскага, ні іншых выдатных кніжніц Бацькаўчыны і іх пазыгі, якія складаліся толькі тады, гэта хіба нармавалася? Гэта хіба не манкрушта, у якое было загнана не адно пакаленне беларусаў?

Дзяля таго каб вызваліць нас ад хлуслівых міфаў, вярнуць нам нашыянальныя годзіцы і гістарычную памяць, рупліліся і руліцкія даследцы мінулага і майстры пера — сапраўдныя патрыяты і служыцелі праўды. Сярод тых, хто прывясчыў свой талант і працу ліквідатцы белых плямаў нашай гісторыі, пісьменнік Уладзімір Арлоў. Ён кніга "Адкуль наш род", араваная юным чытанам і выданае некалькі год таму, ужо набыла папулярнасць сваёй змястоўнасцю, даходлівасцю і захалінальнасцю.

І вось новае, дапоўненае выданне гэтай кнігі, якая выйшла ў Вілене дзякуючы фундацыі Беларускага дабрачыннага фонду Вялікабрытаніі, садзейнічанню Згуртавання беларусаў Канады і асобных прыхільнікаў, у тым ліку аяцка Аляксандра Надсяна. Кніга, адмыслова аздабленая мастаком Віктарам Шышчанюком, набыла вышэй вершан навукова паці Беларускай Рэспублікі. Ёе прысма ўзяць у рукі, ішкая гартаць, чытаць...

Днямі ў зале тэатра "Зніч", што ў бу-

дынку Чырвонага касцёла ў Мінску, адбылася прэзентацыя новага выдання. Яна сабрала шмат аўдыторыі і студэнцкай моладзі, людзей розных узростаў, якіх цікавіла, адкуль пайшоў і чым сапраўды наш беларускі род, што з багатай спадчыны прадкаў варты ўзяць у будучыню.

Аб гэтым разважаў Уладзімір Арлоў, адказваючы на шматлікія пытанні. Ён гаспаіна прыналежна дасягнуў у сваю творчую лабараторыю, дасягнуў новымі задумамі, чытаў свае версты і паларожныя запіскі, лірычныя і гумарыстычныя творы, выказваў уласны погляды на сучасны працэс у нашым асветленні.

Без гістарычнай свядомасці нация не мае гістарычнай перспектывы, упушчаны пісьменнік, які закідаў маладых быць вартымі славычых герояў Бацькаўчыны, працай і адданасцю Радзіме пракадаваў ёй шлях у голую, вартую чалавека будучыню.

А пра сваю запавестную мару Уладзімір Арлоў выказаўся так: — Хачу, каб мае дзесяцігадовы даўнасці гэты "Незалежнасць" перастанала быць актуальнай. Каб свабода і шчасце хутэй стала з'явай, утворанай нашай любоўю і мужнасцю.

Украсай гэтай памятнай вечарыны было выступленне ансамбля старадаўняй

беларускай музыкі са старонкамі з выдання "Полацкага сылкіна".

Святлана КЛІМЕНЦЕНКА.

Рэка

Мы з Вамі, Ефрасінія Андрэева!

З вялікім захапленнем працягваю "Народная воля" за 12 студзеня 2001 года артыкул "Я з вамі, змагары за беларускасць!" доктара педэгагічных навук, прафесара БДУ імя Максіма Танка Ефрасініі Андрэевай.

Тэс нашай мовы, які і нягледзі на беларускага этнаса, ужо мюта год хвалюе нас, карэнных жыхароў краіны. І асабліва сёння, калі кожны год не сонні, а тысячы нашых суайчыннікаў развітаваюцца з жыццём з-за наступстваў чарнобыльскай бяды. А яднанне з Расіяй, аб чым і ў сёння марыць "вары", не даламожа ў выпрашчэнні гэтага праблемы, а, наадварот, абвострыць яе.

Пры гэтым хачу бы падкрэсліць, мы, беларусы, — не супраць Расіі, рускага народа. Мы — за згуртаванне з ім. Але мы хочам захаваць сябе як народ, які незалежна нацыя, са сваёй тэрыторыяй, укладом жыцця, традыцыямі, культурай і, зразумела, сваёй мовай. Калі рускі чалавек ў думках не дапускае парозу гэтым сваім сваям, то чаму мы, беларусы, павінны з ёю змывацца?

Наўжо нашым унукам і праўнучкам прыйдзеца зноў паўтараць трагічны шлях і дзяля вывадзена Бацькаўчыныныя вылучае новага Кастуса Каліноўскага, адстойваць сваю неза-

лежнасць, адраджаць сваё жыццё, сваю мову?

І вось ў такіх варунках, у багнэ моўнага крызісу мы чуюм галас у падтрымку нашай нацыянальнай годзіцы з боку прадстаўніц рускага народа, карэняў іспрачкі, выдатнага вучонага і мужай жывучы Ефрасініі Андрэевай. Як жа не дзякаваць ёй і не захапіцца яе высакроднай грамадзянскай пазіцыяй. Яна не толькі сама засвоіла беларускую мову, каб лепш разумець карэньных жыхароў краіны, сярод якіх жыла, але і выкладае на ёй гісторыю педагогікі ў педуниверсітэце. Скажыце, ці не прыклад гэта для пераймання

многім і многім нашым суайчыннікам?

Мы не сумняваемся, што Вы, паважаная Ефрасінія Андрэева, любіце мову свайго народа. Мову Пушкіна і Лермантава, Дастаўскага і Талстога не любіць. Мы, беларусы, з тымбаю прывітаннем, развіццём нашай дзяржавы, захаванне беларускага этнасу.

Я зайдзешу студэнтам, якіх маюць матчынасць. Бя спадчыны, вучыцца ў Вас. Запраўя Вам і блізняй працай! Мы з Вамі!

Сяргей Філаравіч ШАНДРАКОВ, вастаўнік-пенсіянер.

в.Слабада Мазырскага раёна Гомельскай вобласці.

анальнасцей. Беларусы ўдзячны Вам, шановная, што, жыўчыня ў Беларусі, Вы сталі яе сапраўдным патрыятам. Вы дапамагаеце нам у барацьбе за незалежнасць нашай краіны, развіццём нашай дзяржавы, захаванне беларускага этнасу.

Я зайдзешу студэнтам, якіх маюць матчынасць. Бя спадчыны, вучыцца ў Вас. Запраўя Вам і блізняй працай! Мы з Вамі!

Сяргей Філаравіч ШАНДРАКОВ, вастаўнік-пенсіянер.

анальнасцей. Беларусы ўдзячны Вам, шановная, што, жыўчыня ў Беларусі, Вы сталі яе сапраўдным патрыятам. Вы дапамагаеце нам у барацьбе за незалежнасць нашай краіны, развіццём нашай дзяржавы, захаванне беларускага этнасу.

Я зайдзешу студэнтам, якіх маюць матчынасць. Бя спадчыны, вучыцца ў Вас. Запраўя Вам і блізняй працай! Мы з Вамі!

Сяргей Філаравіч ШАНДРАКОВ, вастаўнік-пенсіянер.

в.Слабада Мазырскага раёна Гомельскай вобласці.

анальнасцей. Беларусы ўдзячны Вам, шановная, што, жыўчыня ў Беларусі, Вы сталі яе сапраўдным патрыятам. Вы дапамагаеце нам у барацьбе за незалежнасць нашай краіны, развіццём нашай дзяржавы, захаванне беларускага этнасу.

Я зайдзешу студэнтам, якіх маюць матчынасць. Бя спадчыны, вучыцца ў Вас. Запраўя Вам і блізняй працай! Мы з Вамі!

Сяргей Філаравіч ШАНДРАКОВ, вастаўнік-пенсіянер.

в.Слабада Мазырскага раёна Гомельскай вобласці.

анальнасцей. Беларусы ўдзячны Вам, шановная, што, жыўчыня ў Беларусі, Вы сталі яе сапраўдным патрыятам. Вы дапамагаеце нам у барацьбе за незалежнасць нашай краіны, развіццём нашай дзяржавы, захаванне беларускага этнасу.

Я зайдзешу студэнтам, якіх маюць матчынасць. Бя спадчыны, вучыцца ў Вас. Запраўя Вам і блізняй працай! Мы з Вамі!

И ВЫМЫСЛА,

Достаточно сказать, что через месяц после выборов высказываниями руководителей городской социал-демократии провели на собраниях решение о ликвидации первичной организации БСДП (НТ). Это организация возмущала я. нас было около четырех десятков человек — больше чем оставались, угольная солигорским лидером независимого профсоюза часть социал-демократов. нас просто вычеркнули из партийных списков. Был серьезно нарушен устав партии, рассчитывали, что все

Операция: док после

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

Пришлось довольно значительное время восстанавливать силы перед операцией. Сначала поехал в Завидово. Любимые места. Так хотелось надышаться перед боем этим духом, сладким воздухом. И вдруг чувствую — не могу. Слабо с каждым днем, есть не хочу, пить не хочу, только лежать. Позвал врачей. Это что, конец? Да нет, говорят, Борис Николаевич, не должно быть. Все идет по плану. А сами бледные. Таня, Лена, Нина — в шоке. За несколько дней я сильно осунулся. Оказалось — у меня упал гемоглобин. Анемия. Это был первый предоперационный кризис. Из-за него операцию пришлось перенести на месяц.

Сейчас мне кажется, что на здоровье повлияло не столько в форме, — а что-то совсем другое. Гипертония — хроническая. Нужно было наконец обнародовать мои болячки перед страной, перед всем миром.

...Это было для меня еще одно тяжелое испытание.

Я был сторонником жесткой позиции (очень распространенной в советские времена): чем меньше народ знает о болезни главы государства, тем ему, народу, спокойнее. И так жизнь текла, а тут еще в прессе начнется истерика, что как болячки президента, что это личное дело. Показывать свои рентгеновские снимки — такой присиги не давал.

Таня убеждала меня: "Папа, но это странно: ты прощешься со своим здоровьем, а потом не даешь знать о болезни главы государства, тем ему, народу, спокойнее. И так жизнь текла, а тут еще в прессе начнется истерика, что как болячки президента, что это личное дело. Показывать свои рентгеновские снимки — такой присиги не давал."

Таня передала мне в переводе с английского письмо Рейгана к нани, которое он написал, когда болел Альбертом у себя серьезно. Давало о себе знать. Шли неформальные изменения в поведении Рейгана. Рейган в этом письме прощается с американцами. Таким, как раньше, он уже не будет. Простые слова, очень простые. Как будто записка на ключике бумажки, написанная в боковой папке. Так пишут самые близкие.

Я задался: а могу ли я и вот так же по-человечески открыто, абсолютно откровенно разговаривать с людьми моей страны?

Близкие убеждали меня: после того как я проделал такую большую, такую открытую предельную операцию, скрывать мою операцию нельзя. "Это не личное дело Бориса Ельцина и его семьи", — написали мне в письме новый пресс-секретарь Сергей Ястребков. Письмо мне привезли в Завидово. Таня отправляет его обычным президентской фельдшерской почтой мои помощники не хотели. Пока про операцию никто не знает, информация — абсолютно конфиденциальная. Здесь, в Завидово, я принял окончательное решение: да, расскажу же как есть.

Я дал интервью Михаилу Лесину — прямо в зимнем саду, в Завидово, сидел в джентльмене. Помню, интервью. Трудное. Попробуйте. "Операция на сердце". Когда эти кадры смотрел по телевизору, подумал как к мелкому: ну вот, начинается совсем новая моя жизнь. А как?

В начале августа в консилиум вошли новые врачи из кардиоцентра: Рената Ахуркина и Юрий Белевиков.

Они назначили коронарографию.

Во время первого же разговора я почувствовал доверие к моему будущему хирургу Ренате Ахуркину: он говорил корректно, но абсолютно жестко и по делу.

Коронарография — довольно серьезное исследование: в артерию через катетер вводится болюс контрастного вещества. Кровь, "окрашенная йодом, идет по сосудам к сердцу. На экране врач видит, как эта "цветная" кровь толчками пробивает себе дорогу.

Крисовое, вероятно, зрелище. Но исследование это опасное: можно спровоцировать новый инфаркт.

Готовили меня долго, тщательно.

Я все пытался представить свое сердце, как по нему идет кровь, как ее выбрасывает в какие-то там желудочки, даже смотрел рисунки, схемы... Но представить себе этого не мог.

Так какого все-таки цвета будет потом моя кровь? И куда эта кровь денется?

Врачи не были расположены шутить. Исследование показало картину гораздо худшую, чем они ожидали: затруднен кровоток, закупорены сосуды. Как сказали врачи, операция "по жизненным показаниям". "Что это значит?" — Это значит, что не делать операцию нельзя.

...Кардиоцентром была одна проблема: им руководил Чазов, бывший начальник Четвертого управления, бывший министр здравоохранения СССР, курировавший когда-то всех членов Политбюро.

Специалист он прекрасный, но когда я думал, что предстоит 87-й год. Я ведь тогда тоже лежал в больнице, после пленума ЦК КПСС, где сказал несколько критических фраз, за которые меня дружно затоптали все остальные члены Политбюро и ЦК. Ни один не выступил в мою защиту.

А снимать меня с должности должен был пленум Московского горкома партии, на который меня, больного, насильно отправили.

Чазов пришел в больницу: "Михаил Сергеевич просил вас быть на пленуме МКГ, это необходимо". А умру я или не умру после этого — не важно. Меня начали лечить, посылать в машину. И писем не чувствовал себя плохо, что казалось — умру прямо здесь, в зале заседаний.

Нина говорила: "Но как же так? Ведь он же врач!" А что врач? Врач тоже лицо подпольное. Не было тогда простоты врачей, просто учителей, все, как или иначе, были солдатами партии. Солдаты государства. Но вот увидел я Чазова через много лет, улыбку, пожал руку. Хоть и через силу.

...Да, я снова у Чазова. Странно это.

Сколько лет я сохранял в себе самоощущение десятилетнего мальчишки: я все могу! Да, я могу абсолютно все! Могу залезть на дерево, сплываю на плотах по реке, пролезу сквозь тайгу, сумасшедшие спят, часами парятся в бане, могу сокрушить любого противника, могу все, что угодно. И вот все-таки человека над собой внезапно кончается. Кто-то другой становится властью, а кто-то — учеником. У меня, кстати, его никогда не было. Но нужен ли этот новый "я" своим близким? Нужен ли всей стране?

Именно в те дни, когда готовился к операции, Лена и Таня вспоминали о годовщине нашей свадьбы. В сентябре юбилей, сорок лет. Идут с утра к нам с каким-то бледным. Я сначала даже не понял, что дело. На бледности два кольца — одно с камушком, для Нины, а для меня — простое обручальное. У меня, кстати, его никогда не было. На свадьбу, помню, взял у деда его медное, напрокат. Для загса. Так с тех пор без обручальных колец и ходил.

"Молодые, сидите рядом!" Нина, наверное, сразу сообразила, в чем дело. А я не мог понять, думал, что то важное сказать хотят, что-то предостерегают. И вдруг, когда осознаю все, такое тепло охватило в груди, такую благодать, девчачий плач. "Ну, милая, папа, полюбите, пожалуйста, все, как вы любите. Обмените кольца!" Какой солнечный свет в окне, какая жизнь хороша! Хорошая — несмотря ни на что.

Да, принесла кольца. Хотел смеяться, хотел плакать. Но плакать не стали. Правда, и плакать тоже не смогли за здоровье молодых.

О ходе самой операции мне писать особо нечего — лежал на столе. Своих хирургов, всех врачей во главе с Ренатой Ахуркиной, не забуду никогда. Прямой выбор — оперироваться дома. Родные лица помогают. Точно помогают.

Не забуду и американского хирурга Майкла Дебейки, который на все время операции взял на себя роль переводчика, как переводчик, как переводчик. Палал, вставал, и я бежал дальше. Мне так было нужно. Иначе жить не мог.

Сейчас, лежа в палате ЦКБ, я понимаю — отныне, наверное, будет как-то по-другому. Но ощущение легкого дыхания, ощущение свободы не проходило. Не болит! И это самое главное! Скоро я буду на работе!

Вый зал, слава Богу, не пустили. Не знаю, как бы они смогли пережить это зрелище.

Заранее были подготовлены и подписаны два указа — о передаче всех президентских полномочий Виктору Черномырдину (на время операции) и их возвращении мне же. Сразу, как только пришел в себя после наркоза, поставил время на втором указе: 6.00.

Потом много писали, как только Ельцин пришел в себя после операции, он потребовал ручки и подлинный указ о возвращении полномочий. Вот, мол, инстинкт власти!

Но дело тут, конечно, не в страхе потерять власть. Это известный журналистский штамп, не более. Просто все шло по плану. Как было задумано. Шат за шатом. В этом ощущении порядка, жесткости в тот момент я действительно сильно нуждался.

После операции мне принесли ауту подшею — подарок от американского общества. Больных, переживших операцию на открытом сердце, прочтут ли письмо: "Дорогой Борис Николаевич, мы сердечно ждем вас скорейшего..." Подушечку можно прижечь к груди — и кашлять. Чтобы мокрота, скопившаяся в легких, скорее отходила.

Что было по-настоящему неприятно и болезненно — огромный шов на груди. Он напоминал о том, как именно проходила операция.

Я очень не любил долго болеть. Семья это знает, мои врачи — тоже. Но в этот раз, к счастью, прогрессивная методика реабилитации сошла с моим настроением не в ас, а в ас, даже на двести процентов.

Уже 7 ноября меня поселили в кресло. А 8-го я уже начал ходить с помощью медсестер и врачей. Ходил минут по пять вокруг кровати. Дико болела грудная клетка во время операции, ее распустили, а затем стянули железными скобами. Болеи разрезанные ноги. Невольная слабость. И несмотря на это — чувство огромной свободы, легкости, радости: я дышу! Сердце не болело!

8 ноября я, несмотря на все уговоры врачей, уже ушел в ЦКБ, минуя специальную послеоперационную палату.

Спасибо вам, мои врачи, медсестры, персонал. Все вы сделали, чтобы я вышел из больницы. И вы были со мной и люблю!

Спасибо моему семье. И огромное спасибо — большому всеволнующей, переживающей — моему Нине.

Там, в ЦКБ, было у меня время подумать.

В принципе, катастрофы со здоровьем случались на протяжении всей жизни. Пробование языка, травма позвоночника после аварии самолета в Истанбуле, инфаркты, были и операции, и дикое боли. Но периоды болезни, плохого самочувствия, как правило, чередовались с работой по 20 часов в сутки, с моментами чрезвычайной активности. В тяжелый период в грузинском. Палал, вставал, и я бежал дальше. Мне так было нужно. Иначе жить не мог.

Сейчас, лежа в палате ЦКБ, я понимаю — отныне, наверное, будет как-то по-другому. Но ощущение легкого дыхания, ощущение свободы не проходило. Не болит! И это самое главное! Скоро я буду на работе!

20 ноября силы послеоперационные свои. Первый раз вышел в парк. Гулял вместе с Нинкой, Таней, внучкой Машей. Сказал несколько слов тележурналистам — пообщался скоро выйти на работу.

А в парке было сыро, тихо и холодно. Я медленно шел по дорожке и смотрел на бурые листья, на ноябрьское небо — осень. Осень президента.

22 ноября я переехал в Барвиху. Торопился, перебрел из колесной машины. В барвиху поехал не в обычной президентской машине, а на "лидере" — первой машине сопровождения. "Зачем?" — спросила внучка Маша. "Чтобы никто не узнал. Иначе там будет толпа журналистов. Им пока сказать нечего. И вообще пусть поменьше светятся", — ответил я.

Как-то быстро проскользнула в ворота. На часах было шесть тридцать. Погода сырая, серая. Дожик, но не очень. Морозик. И ветер. В холле больницы меня ждали шестнадцать в белых халатах. Вид они имели, прямо скажу, неважный. Бледный вид. Помню, чтобы чуть раздвину обставку, я сказал руководителю консилиума Сергею Маркову: "А жисте-то с вами?". Не возможно отпалить, запылились.

Началась операция в восемь утра. Кончили в четыренадцать. Шунтов (новых, шунтов в сердце кровеносных сосудов, которые вырезают из ноги) не потребовалось не четыре, как думали, а пять. Сердце заработало сразу, как только меня отключили от аппарата. За холмом операции следил Дебейки и два немецких кардиолога: доктор Волькер и Ассель Ховард, которых прислал Гельмут Коль. Ну и, конечно, наши — Белевиков, Чазов, дядя Бритва.

Нина и дочери в просмотрном зале, слава Богу, не пустили. Не знаю, как бы они смогли пережить это зрелище.

Заранее были подготовлены и подписаны два указа — о передаче всех президентских полномочий Виктору Черномырдину (на время операции) и их возвращении мне же. Сразу, как только пришел в себя после наркоза, поставил время на втором указе: 6.00.

Потом много писали, как только Ельцин пришел в себя после операции, он потребовал ручки и подлинный указ о возвращении полномочий. Вот, мол, инстинкт власти!

Но дело тут, конечно, не в страхе потерять власть. Это известный журналистский штамп, не более. Просто все шло по плану. Как было задумано. Шат за шатом. В этом ощущении порядка, жесткости в тот момент я действительно сильно нуждался.

После операции мне принесли ауту подшею — подарок от американского общества. Больных, переживших операцию на открытом сердце, прочтут ли письмо: "Дорогой Борис Николаевич, мы сердечно ждем вас скорейшего..." Подушечку можно прижечь к груди — и кашлять. Чтобы мокрота, скопившаяся в легких, скорее отходила.

Что было по-настоящему неприятно и болезненно — огромный шов на груди. Он напоминал о том, как именно проходила операция.

Я очень не любил долго болеть. Семья это знает, мои врачи — тоже. Но в этот раз, к счастью, прогрессивная методика реабилитации сошла с моим настроением не в ас, а в ас, даже на двести процентов.

Уже 7 ноября меня поселили в кресло. А 8-го я уже начал ходить с помощью медсестер и врачей. Ходил минут по пять вокруг кровати. Дико болела грудная клетка во время операции, ее распустили, а затем стянули железными скобами. Болеи разрезанные ноги. Невольная слабость. И несмотря на это — чувство огромной свободы, легкости, радости: я дышу! Сердце не болело!

8 ноября я, несмотря на все уговоры врачей, уже ушел в ЦКБ, минуя специальную послеоперационную палату.

Спасибо вам, мои врачи, медсестры, персонал. Все вы сделали, чтобы я вышел из больницы. И вы были со мной и люблю!

Спасибо моему семье. И огромное спасибо — большому всеволнующей, переживающей — моему Нине.

Там, в ЦКБ, было у меня время подумать.

В принципе, катастрофы со здоровьем случались на протяжении всей жизни. Пробование языка, травма позвоночника после аварии самолета в Истанбуле, инфаркты, были и операции, и дикое боли. Но периоды болезни, плохого самочувствия, как правило, чередовались с работой по 20 часов в сутки, с моментами чрезвычайной активности. В тяжелый период в грузинском. Палал, вставал, и я бежал дальше. Мне так было нужно. Иначе жить не мог.

Сейчас, лежа в палате ЦКБ, я понимаю — отныне, наверное, будет как-то по-другому. Но ощущение легкого дыхания, ощущение свободы не проходило. Не болит! И это самое главное! Скоро я буду на работе!

20 ноября силы послеоперационные свои. Первый раз вышел в парк. Гулял вместе с Нинкой, Таней, внучкой Машей. Сказал несколько слов тележурналистам — пообщался скоро выйти на работу.

А в парке было сыро, тихо и холодно. Я медленно шел по дорожке и смотрел на бурые листья, на ноябрьское небо — осень. Осень президента.

22 ноября я переехал в Барвиху. Торопился, перебрел из колесной машины. В барвиху поехал не в обычной президентской машине, а на "лидере" — первой машине сопровождения. "Зачем?" — спросила внучка Маша. "Чтобы никто не узнал. Иначе там будет толпа журналистов. Им пока сказать нечего. И вообще пусть поменьше светятся", — ответил я.

Как-то быстро проскользнула в ворота. На часах было шесть тридцать. Погода сырая, серая. Дожик, но не очень. Морозик. И ветер. В холле больницы меня ждали шестнадцать в белых халатах. Вид они имели, прямо скажу, неважный. Бледный вид. Помню, чтобы чуть раздвину обставку, я сказал руководителю консилиума Сергею Маркову: "А жисте-то с вами?". Не возможно отпалить, запылились.

Началась операция в восемь утра. Кончили в четыренадцать. Шунтов (новых, шунтов в сердце кровеносных сосудов, которые вырезают из ноги) не потребовалось не четыре, как думали, а пять. Сердце заработало сразу, как только меня отключили от аппарата. За холмом операции следил Дебейки и два немецких кардиолога: доктор Волькер и Ассель Ховард, которых прислал Гельмут Коль. Ну и, конечно, наши — Белевиков, Чазов, дядя Бритва.

Нина и дочери в просмотрном зале, слава Богу, не пустили. Не знаю, как бы они смогли пережить это зрелище.

Заранее были подготовлены и подписаны два указа — о передаче всех президентских полномочий Виктору Черномырдину (на время операции) и их возвращении мне же. Сразу, как только пришел в себя после наркоза, поставил время на втором указе: 6.00.

Потом много писали, как только Ельцин пришел в себя после операции, он потребовал ручки и подлинный указ о возвращении полномочий. Вот, мол, инстинкт власти!

Но дело тут, конечно, не в страхе потерять власть. Это известный журналистский штамп, не более. Просто все шло по плану. Как было задумано. Шат за шатом. В этом ощущении порядка, жесткости в тот момент я действительно сильно нуждался.

После операции мне принесли ауту подшею — подарок от американского общества. Больных, переживших операцию на открытом сердце, прочтут ли письмо: "Дорогой Борис Николаевич, мы сердечно ждем вас скорейшего..." Подушечку можно прижечь к груди — и кашлять. Чтобы мокрота, скопившаяся в легких, скорее отходила.

Что было по-настоящему неприятно и болезненно — огромный шов на груди. Он напоминал о том, как именно проходила операция.

Я очень не любил долго болеть. Семья это знает, мои врачи — тоже. Но в этот раз, к счастью, прогрессивная методика реабилитации сошла с моим настроением не в ас, а в ас, даже на двести процентов.

Уже 7 ноября меня поселили в кресло. А 8-го я уже начал ходить с помощью медсестер и врачей. Ходил минут по пять вокруг кровати. Дико болела грудная клетка во время операции, ее распустили, а затем стянули железными скобами. Болеи разрезанные ноги. Невольная слабость. И несмотря на это — чувство огромной свободы, легкости, радости: я дышу! Сердце не болело!

8 ноября я, несмотря на все уговоры врачей, уже ушел в ЦКБ, минуя специальную послеоперационную палату.

Спасибо вам, мои врачи, медсестры, персонал. Все вы сделали, чтобы я вышел из больницы. И вы были со мной и люблю!

Спасибо моему семье. И огромное спасибо — большому всеволнующей, переживающей — моему Нине.

Там, в ЦКБ, было у меня время подумать.

В принципе, катастрофы со здоровьем случались на протяжении всей жизни. Пробование языка, травма позвоночника после аварии самолета в Истанбуле, инфаркты, были и операции, и дикое боли. Но периоды болезни, плохого самочувствия, как правило, чередовались с работой по 20 часов в сутки, с моментами чрезвычайной активности. В тяжелый период в грузинском. Палал, вставал, и я бежал дальше. Мне так было нужно. Иначе жить не мог.

Сейчас, лежа в палате ЦКБ, я понимаю — отныне, наверное, будет как-то по-другому. Но ощущение легкого дыхания, ощущение свободы не проходило. Не болит! И это самое главное! Скоро я буду на работе!

20 ноября силы послеоперационные свои. Первый раз вышел в парк. Гулял вместе с Нинкой, Таней, внучкой Машей. Сказал несколько слов тележурналистам — пообщался скоро выйти на работу.

А в парке было сыро, тихо и холодно. Я медленно шел по дорожке и смотрел на бурые листья, на ноябрьское небо — осень. Осень президента.

22 ноября я переехал в Барвиху. Торопился, перебрел из колесной машины. В барвиху поехал не в обычной президентской машине, а на "лидере" — первой машине сопровождения. "Зачем?" — спросила внучка Маша. "Чтобы никто не узнал. Иначе там будет толпа журналистов. Им пока сказать нечего. И вообще пусть поменьше светятся", — ответил я.

Как-то быстро проскользнула в ворота. На часах было шесть тридцать. Погода сырая, серая. Дожик, но не очень. Морозик. И ветер. В холле больницы меня ждали шестнадцать в белых халатах. Вид они имели, прямо скажу, неважный. Бледный вид. Помню, чтобы чуть раздвину обставку, я сказал руководителю консилиума Сергею Маркову: "А жисте-то с вами?". Не возможно отпалить, запылились.

Началась операция в восемь утра. Кончили в четыренадцать. Шунтов (новых, шунтов в сердце кровеносных сосудов, которые вырезают из ноги) не потребовалось не четыре, как думали, а пять. Сердце заработало сразу, как только меня отключили от аппарата. За холмом операции следил Дебейки и два немецких кардиолога: доктор Волькер и Ассель Ховард, которых прислал Гельмут Коль. Ну и, конечно, наши — Белевиков, Чазов, дядя Бритва.

Нина и дочери в просмотрном зале, слава Богу, не пустили. Не знаю, как бы они смогли пережить это зрелище.

Заранее были подготовлены и подписаны два указа — о передаче всех президентских полномочий Виктору Черномырдину (на время операции) и их возвращении мне же. Сразу, как только пришел в себя после наркоза, поставил время на втором указе: 6.00.

Потом много писали, как только Ельцин пришел в себя после операции, он потребовал ручки и подлинный указ о возвращении полномочий. Вот, мол, инстинкт власти!

Но дело тут, конечно, не в страхе потерять власть. Это известный журналистский штамп, не более. Просто все шло по плану. Как было задумано. Шат за шатом. В этом ощущении порядка, жесткости в тот момент я действительно сильно нуждался.

После операции мне принесли ауту подшею — подарок от американского общества. Больных, переживших операцию на открытом сердце, прочтут ли письмо: "Дорогой Борис Николаевич, мы сердечно ждем вас скорейшего..." Подушечку можно прижечь к груди — и кашлять. Чтобы мокрота, скопившаяся в легких, скорее отходила.

Что было по-настоящему неприятно и болезненно — огромный шов на груди. Он напоминал о том, как именно проходила операция.

Я очень не любил долго болеть. Семья это знает, мои врачи — тоже. Но в этот раз, к счастью, прогрессивная методика реабилитации сошла с моим настроением не в ас, а в ас, даже на двести процентов.

Уже 7 ноября меня поселили в кресло. А 8-го я уже начал ходить с помощью медсестер и врачей. Ходил минут по пять вокруг кровати. Дико болела грудная клетка во время операции, ее распустили, а затем стянули железными скобами. Болеи разрезанные ноги. Невольная слабость. И несмотря на это — чувство огромной свободы, легкости, радости: я дышу! Сердце не болело!

8 ноября я, несмотря на все уговоры врачей, уже ушел в ЦКБ, минуя специальную послеоперационную палату.

Спасибо вам, мои врачи, медсестры, персонал. Все вы сделали, чтобы я вышел из больницы. И вы были со мной и люблю!

Спасибо моему семье. И огромное спасибо — большому всеволнующей, переживающей — моему Нине.

Там, в ЦКБ, было у меня время подумать.

В принципе, катастрофы со здоровьем случались на протяжении всей жизни. Пробование языка, травма позвоночника после аварии самолета в Истанбуле, инфаркты, были и операции, и дикое боли. Но периоды болезни, плохого самочувствия, как правило, чередовались с работой по 20 часов в сутки, с моментами чрезвычайной активности. В тяжелый период в грузинском. Палал, вставал, и я бежал дальше. Мне так было нужно. Иначе жить не мог.

Сейчас, лежа в палате ЦКБ, я понимаю — отныне, наверное, будет как-то по-другому. Но ощущение легкого дыхания, ощущение свободы не проходило. Не болит! И это самое главное! Скоро я буду на работе!

20 ноября силы послеоперационные свои. Первый раз вышел в парк. Гулял вместе с Нинкой, Таней, внучкой Машей. Сказал несколько слов тележурналистам — пообщался скоро выйти на работу.

А в парке было сыро, тихо и холодно. Я медленно шел по дорожке и смотрел на бурые листья, на ноябрьское небо — осень. Осень президента.

22 ноября я переехал в Барвиху. Торопился, перебрел из колесной машины. В барвиху поехал не в обычной президентской машине, а на "лидере" — первой машине сопровождения. "Зачем?" — спросила внучка Маша. "Чтобы никто не узнал. Иначе там будет толпа журналистов. Им пока сказать нечего. И вообще пусть поменьше светятся", — ответил я.

Как-то быстро проскользнула в ворота. На часах было шесть тридцать. Погода сырая, серая. Дожик, но не очень. Морозик. И ветер. В холле больницы меня ждали шестнадцать в белых халатах. Вид они имели, прямо скажу, неважный. Бледный вид. Помню, чтобы чуть раздвину обставку, я сказал руководителю консилиума Сергею Маркову: "А жисте-то с вами?". Не возможно отпалить, запылились.

Началась операция в восемь утра. Кончили в четыренадцать. Шунтов (новых, шунтов в сердце кровеносных сосудов, которые вырезают из ноги) не потребовалось не четыре, как думали, а пять. Сердце заработало сразу, как только меня отключили от аппарата. За холмом операции следил Дебейки и два немецких кардиолога: доктор Волькер и Ассель Ховард, которых прислал Гельмут Коль. Ну и, конечно, наши — Белевиков, Чазов, дядя Бритва.

Нина и дочери в просмотрном зале, слава Богу, не пустили. Не знаю, как бы они смогли пережить это зрелище.

Заранее были подготовлены и подписаны два указа — о передаче всех президентских полномочий Виктору Черномырдину (на время операции) и их возвращении мне же. Сразу, как только пришел в себя после наркоза, поставил время на втором указе: 6.00.

Потом много писали, как только Ельцин пришел в себя после операции, он потребовал ручки и подлинный указ о возвращении полномочий. Вот, мол, инстинкт власти!

Но дело тут, конечно, не в страхе потерять власть. Это известный журналистский штамп, не более. Просто все шло по плану. Как было задумано. Шат за шатом. В этом ощущении порядка, жесткости в тот момент я действительно сильно нуждался.

После операции мне принесли ауту подшею — подарок от американского общества. Больных, переживших операцию на открытом сердце, прочтут ли письмо: "Дорогой Борис Николаевич, мы сердечно ждем вас скорейшего..." Подушечку можно прижечь к груди — и кашлять. Чтобы мокрота, скопившаяся в легких, скорее отходила.

Что было по-настоящему неприятно и болезненно — огромный шов на груди. Он напоминал о том, как именно проходила операция.

Я очень не любил долго болеть. Семья это знает, мои врачи — тоже. Но в этот раз, к счастью, прогрессивная методика реабилитации сошла с моим настроением не в ас, а в ас, даже на двести процентов.

Уже 7 ноября меня поселили в кресло. А 8-го я уже начал ходить с помощью медсестер и врачей. Ходил минут по пять вокруг кровати. Дико болела грудная клетка во время операции, ее распустили, а затем стянули железными скобами. Болеи разрезанные ноги. Невольная слабость. И несмотря на это — чувство огромной свободы, легкости, радости: я дышу! Сердце не болело!

8 ноября я, несмотря на все уговоры врачей, уже ушел в ЦКБ, минуя специальную послеоперационную палату.

Спасибо вам, мои врачи, медсестры, персонал. Все вы сделали, чтобы я вышел из больницы. И вы были со мной и люблю!

Спасибо моему семье. И огромное спасибо — большому всеволнующей, переживающей — моему Нине.

Там, в ЦКБ, было у меня время подумать.

В принципе, катастрофы со здоровьем случались на протяжении всей жизни. Пробование языка, травма позвоночника после аварии самолета в Истанбуле, инфаркты, были и операции, и дикое боли. Но периоды болезни, плохого самочувствия, как правило, чередовались с работой по 20 часов в сутки, с моментами чрезвычайной активности. В тяжелый период в грузинском. Палал, вставал, и я бежал дальше. Мне так было нужно. Иначе жить не мог.

Сейчас, лежа в палате ЦКБ, я понимаю — отныне, наверное, будет как-то по-другому. Но ощущение легкого дыхания, ощущение свободы не проходило. Не болит! И это самое главное! Скоро я буду на работе!

20 ноября силы послеоперационные свои. Первый раз вышел в парк. Гулял вместе с Нинкой, Таней, внучкой Машей. Сказал несколько слов тележурналистам — пообщался скоро выйти на работу.

А в парке было сыро, тихо и холодно. Я медленно шел по дорожке и смотрел на бурые листья, на ноябрьское небо — осень. Осень президента.

22 ноября я переехал в Барвиху. Торопился, перебрел из колесной машины. В барвиху поехал не в обычной президентской машине, а на "лидере" — первой машине сопровождения. "Зачем?" — спросила внучка Маша. "Чтобы никто не узнал. Иначе там будет толпа журналистов. Им пока сказать нечего. И вообще пусть поменьше светятся", — ответил я.

Как-то быстро проскользнула в ворота. На часах было шесть тридцать. Погода сырая, серая. Дожик, но не очень. Морозик. И ветер. В холле больницы меня ждали шестнадцать в белых халатах. Вид они имели, прямо скажу, неважный. Бледный вид. Помню, чтобы чуть раздвину обставку, я сказал руководителю консилиума Сергею Маркову: "А жисте-то с вами?". Не возможно отпалить, запылились.

Началась операция в восемь утра. Кончили в четыренадцать. Шунтов (новых, шунтов в сердце кровеносных сосудов, которые вырезают из ноги) не потребовалось не четыре, как думали, а пять. Сердце заработало сразу, как только меня отключили от аппарата. За холмом операции следил Дебейки и два немецких кардиолога: доктор Волькер и Ассель Ховард, которых прислал Гельмут Коль. Ну и, конечно, наши — Белевиков, Чазов, дядя Бритва.

Нина и дочери в просмотрном зале, слава Богу, не пустили. Не знаю, как бы они смогли пережить это зрелище.

Заранее были подготовлены и подписаны два указа — о передаче всех президентских полномочий Виктору Черномырдину (на время операции) и их возвращении мне же. Сразу, как только пришел в себя после наркоза, поставил время на втором указе: 6.00.

Потом много писали, как только Ельцин пришел в себя после операции, он потребовал ручки и подлинный указ о возвращении полномочий. Вот, мол, инстинкт власти!

Но дело тут, конечно, не в страхе потерять власть. Это известный журналистский штамп, не более. Просто все шло по плану. Как было задумано. Шат за шатом. В этом ощущении порядка, жесткости в тот момент я действительно сильно нуждался.

После операции мне принесли ауту подшею — подарок от американского общества. Больных, переживших операцию на открытом сердце, прочтут ли письмо: "Дорогой Борис Николаевич, мы сердечно ждем вас скорейшего..." Подушечку можно прижечь к груди — и кашлять. Чтобы мокрота, скопившаяся в легких, скорее отходила.

Что было по-настоящему неприятно и болезненно — огромный шов на груди. Он напоминал о том, как именно проходила операция.

Я очень не любил долго болеть. Семья это знает, мои врачи — тоже. Но в этот раз, к счастью, прогрессивная методика реабилитации сошла с моим настроением не в ас, а в ас, даже на двести процентов.

Уже 7 ноября меня поселили в кресло. А 8-го я уже начал ходить с помощью медсестер и врачей. Ходил минут по пять вокруг кровати. Дико болела грудная клетка во время операции, ее распустили, а затем стянули железными скобами. Болеи разрезанные ноги. Невольная слабость. И несмотря на это — чувство огромной свободы, легкости, радости: я дышу! Сердце не болело!

8 ноября я, несмотря на все уговоры врачей, уже ушел в ЦКБ, минуя специальную послеоперационную палату.

Спасибо вам, мои врачи, медсестры, персонал. Все вы сделали, чтобы я вышел из больницы. И вы были со мной и люблю!

Спасибо моему семье. И огромное спасибо — большому всеволнующей, переживающей — моему Нине.

Там, в ЦКБ, было у меня время подумать.

В принципе, катастрофы со здоровьем случались на протяжении всей жизни. Пробование языка, травма позвоночника